

10₍₈₄₎

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ
БРАТСТВ

АВГУСТ
2008

в газете использованы
материалы сайта sf1.ru
электронная версия газеты
gazetaki1a.ru

ПРИХОД – ЭТО ДУХОВНАЯ СЕМЬЯ

Интервью с архиепископом Саранским и Мордовским Варсонофием*

— Владыка, я знаю, что Вы много внимания уделяете приходской жизни у себя в епархии и тому, чтобы в приходах была жизнь. Как Вы думаете, что надо делать, чтобы человек, приходя в храм, обрел христианскую семью, нашел свое место в церкви?

Архиеп. Варсонофий: Все правильно. Местная церковь, приход — это духовная семья, где священник — отец, а все прихожане — это члены семьи. Надо находить какие-то общие работы, послушания, чтобы люди вместе трудились (кроме молитвы, естественно, молитва — это само собой), заинтересовывать людей в каком-то проекте. Наверное, нам, священнослужителям, надо перестраиваться, потому что мы привыкли, что люди приходят и уходят, а это неправильно. Надо какие-то общие задачи ставить и развивать — просвещение духовное или миссионерство. Есть масса работ, которые община должна делать вместе со священником. Священнику нужно быть поближе к своей пастве: вместе все делать, вместе ездить, вместе трудиться, вместе отдыхать. Что сделать? Надо вырабатывать какие-то формы. Пока нет готовых рецептов. Но их надо вырабатывать, это правильно. Потому что мы все должны знать друг друга. Чтобы не просто пришли-ушли прихожане, а именно одна духовная семья была. Вот и Архиерейский Собор, который только что прошел, перед нами ставит какие-то задачи — нужно ближе быть к народу, нужно, чтобы священник был центром общины, чтобы люди чувствовали, что они в единении, что здесь их родной дом, семья. Здесь надо наработать, пока нет готовых рецептов. У кого-то получается лучше, у кого-то хуже, мы смотрим, видим, где именно что-то получается. Но пока надо искать, надо размышлять, молиться, чтоб Господь помог понять, как нам надо лучше сплотить свои общины. Мы должны каждого знать, помогать друг другу, может быть, где-то подтягивать друг друга. Вот так и должны жить. А готовых рецептов сказать не могу, потому что я сам их пока не знаю. Пока мы сами все находимся в поисках. Потому что приход, община — это серьезная вещь, здесь надо всем задуматься и находить какие-то решения. Но в любом случае мы должны думать о единстве прихода и о единстве церкви, чтобы не выделяться, не отделяться, а жить одной жизнью с матерью-церковью. Поэтому мы предлагаем что-то, и если это в церковную структуру входит нормально, значит, это воплощается и развивается. Мы должны думать, творчески подходить к жизни. Ведь жизнь одна дается нам на земле, второй раз мы уже не вернемся, и надо прожить ее правильно, не ошибаясь. Всякая отединенность от общины — это неправильно. Жить надо все-таки одной общиной.

— Архиерейский Собор уделил особое внимание развитию межприходских связей. Что здесь можно сделать? Какие формы здесь возможны?

Архиепископ Варсонофий с паломниками из московского Воскресенского братства

Архиеп. Варсонофий: Ну, может быть, что-то издавать — какую-то газету на несколько приходов или на благочиние. Может быть, осуществлять вместе социальные проекты, миссионерские, просветительские. В общем, больше делать для духовного просвещения, потому что на сегодня народ пока не просвещен. На этом поприще надо объединять свои усилия. Потому что материальные работы — это не самое важное. Надо в духовной сфере что-то находить. Может быть, совместный концерт сделать, или что-то еще. На приходе единицы, может быть, 2-3 человека, а вместе несколько приходов — уже 12 человек, можно составить хороший хор и вместе выступать с концертами, вот духовная работа. Можно открывать любые секции, от спортивных до творческих, тоже совместно. Нужно, чтобы сами священники дружили друг с другом, жертвовали частью своего времени на общее благо. И тогда что-то получится. Готовых рецептов здесь нет. Пока нужно все наработать. Даже межприходские, межепархиальные, общецерковные моменты. Жизнь не стоит на месте, она подсказывает, что нужно. Я сейчас вижу, что самое главное — это духовное просвещение, катехизация, воцерковление.

— Прошедший Архиерейский Собор уделил особое внимание опыту новомучеников. Владыка Ювеналий говорил о необходимости введения в духовных учебных заведениях специальной учебной дисциплины, посвященной изучению наследия новомучеников и исповедников Российских. Что еще можно было бы сделать, чтобы

память об этих людях стала родной нам, чтобы мы могли осмыслить их наследие и ощущали живую связь с ними? Как этого можно достичь?

Архиеп. Варсонофий: Надо изучать не только опыт новомучеников, но и всех святых. У нас много святых, которых мы не знаем, не знаем их жизни, не знаем, что ими двигало к подвигам. Надо изучать не только жития новомучеников, но и вообще агиологию. Ведь наша церковная православная жизнь строится на опыте аскетическом, на опыте святых людей, тех, кто опытно познал Бога. Нам важен их опыт, мы идем в одном направлении, все идем в Царствие Небесное. Они прошли первыми, протоптали эту дорожку. Чем они руководствовались? Что они в своей жизни имели главным? Нам надо это посмотреть и применять к своей жизни, нам нужен их опыт для того, чтобы самим правильно ориентироваться в жизни. А связь — она всегда будет духовно-молитвенной. Когда мы совершаем их память, молимся, у нас с ними возникает близкая духовная связь. Чтобы эта связь была, нужна молитва. Второе — это подражание жизни. Вот два момента: молитвенное общение и подражание жизни. Подражать жизни — это не значит повторять подвиг, а дух их, стрем-

Продолжение на с. 2

* Интервью взято на встрече архиепископа Саранского и Мордовского Варсонофия с паломниками из московского Воскресенского братства (Содружество малых православных братств).
Саранск. Епархиальное управление.
1 июля 2008 г.

В номере:

Говорить о пустоте возможно, лишь имея внутри себя опыт полноты

Фрагменты встречи Свято-Андреевского малого православного братства, посвященной теме предстоящей братской конференции Преображенского содружества «Духовное противостояние пустоте в церкви и обществе». С. 4-5

«Мирянин в епископском сане»

К 5-летию со дня преставления митрополита Сурожского Антония. С. 6

Всё его творчество — это реабилитация человека в самом бесчеловечном веке

Интервью с главой французского издательства «ИМКА-пресс», основным издателем и близким другом Александра Исаевича Солженицына Никитой Алексеевичем Струве. С. 7

С уходом Солженицына и Аверинцева для нас окончательно завершился XX век

Интервью с ректором Свято-Филаретовского института свящ. Георгием Кочетковым. С. 7

Все желающие жить благочестиво будут гонимы

Известному исповеднику веры прот. Павлу Адельгейму — 70 лет. С. 8

В приложении «Открытая встреча» — ответы на вопросы и фрагменты из книги «Архипелаг ГВЛАГ»

ПРИХОД – ЭТО ДУХОВНАЯ СЕМЬЯ

Продолжение. Начало на с. 1

ления их, ревность их. Вот то, чего нам не хватает сегодня: жертвенности. Это самое главное. Мы должны это черпать у них и просить их как наших братьев, которые уже пришли в Царство Небесное, о помощи — чтобы они с высоты небесной могли просить Господа, и Господь давал нам благодать то же держаться на этом пути и пройти свою жизнь достойно христианского звания. Поэтому такая связь — молитвенная и подражательная — необходима.

— Владыка, наш Институт в этом году отметил свое 20-летие. Мой последний вопрос связан с образовательным процессом. Как Вы думаете, на чем сейчас должны быть сделаны основные акценты в духовном образовании? На что нужно обращать особое внимание?

Архиеп. Варсонофий: Мы сейчас разговаривали с вами о включении учебной дисциплины в образовательный процесс. Конечно, мы должны знать историю библейскую, мы должны знать историю церкви, но самое главное, мы должны знать опыт духовной жизни. Потому что все-таки главное в человеке — это духовная жизнь. И если мы студенту или воспитаннику духовного учебного заведения дадим основы духовной жизни, значит, мы выпустили в мир человека с правильным устройством. Я считаю, что это главное. Остальные знания он получит и потом — но лишь если в училище его научили, как правильно строить духовную жизнь.

Об этом говорили великие святители — Феофан Затворник, Игнатий Брянчанинов. Все они обращали внимание именно на это. У нас было много прекрасных людей в царской России, в каждом учебном заведении преподавался Закон Божий, но выходили почему-то революционеры. Значит, не дана была основа духовной жизни. А нам надо ее и закладывать.

Поэтому, конечно, что изучать? Давайте изучать опыт святых отцов, аскетический опыт подвижников благочестия и, конечно, нужно учиться применять этот опыт в нынешних новых условиях. Конечно, мы уже не можем в пустынях быть, в пещерах сидеть, как они сидели, это уже невозможно. Мы сейчас совсем новые, другие люди. Но вот в этих условиях комфортных мы должны гореть душой к Богу, мы должны пламенем быть, и этому в нас никто и ничто не может помешать. Никто не мешает жить в жертвенности, жертвовать собой, делами своими, поступками своими ради ближнего. Любить ближнего кто когда мешает? Вот это надо развивать, исходя из того опыта, который имели святые отцы. А этот опыт бесценен для нас, и мы должны его изучать.

В наших духовных учебных заведениях этому надо уделять больше внимания. Потому что все остальное мы изучим и узнаем, и будем повторять потом еще не раз, может быть, катехизис, но все-таки применительно к жизни нам нужно знать опыт духовных отцов наших. Я вижу, что когда этого опыта не хватает, то люди вырастают и просто не знают, чем заниматься. Они потом начинают во всякие крайности впадать. Но это, к сожалению, постепенно все затухает: не имея подпитки от корня, любое растение засыхает, а когда опираются на опыт святых отцов, оно вечно процветает и, самое главное, плодоносит, приносит плоды.

Плоды эти известны, апостол сказал, какие плоды Духа получаются. Вот если они получаются — значит, на хорошей почве находится наше древо жизни, и оно приносит эти плоды добрые — мир, и любовь, и сострадание, долготерпение, кротость. А иначе просто будет гордость, тщеславие или, наоборот, прелесть. Если будет индивидуализация, тогда точно в прелесть впадешь. Не зная опыта отцов, мы можем не туда уйти. Образование, воспитание — это два момента, в которых духовные учебные заведения надо четко, правильно сориентировать. И тогда мы вырастим хороших будущих священников, мирян, которые будут определять позицию церкви, может быть, уже даже в конце XXI века. Надо подумать, как это лучше сделать. Без духовного опыта заблудиться легко. Любое течение можно принять как истинное, а оно совершенно может быть ложное, хотя может быть облечено в красивые формы, но, скажем, какие-то протестантские. Кажется, что люди говорят тоже о Христе, о христианстве, но можно в такую прелесть влезть с ними! И многие попадают на это. Начитаются, и им кажется, что это новенькое, а люди, которые за новеньким бегают, они всегда старенькое подзабывают, им уже кажется, что не стоит открывать «Добротолюбие» — там же все непонятно, и начинают читать легкие книжки. Бывает, что люди так увлекаются, такую социальную деятельность развивают, посмотрите — а это все зиждется на таком тщеславии, на такой гордыне, Боже мой! И любому такому человеку духовность покажется просто несуществующей. Как же так можно жить, когда отвергнуто основное и оставлено все второстепенное? И получается опасность от незнания опыта святых. Это важный опыт, чтобы самим нам не заблудиться. Потому что и справа, и слева нам подсказывают, куда идти. Нас все время подталкивают: вот в эту сферу пойдите. А смотришь — ага, туда пойдешь и оттуда уже никогда не вернешься, потому что все построено на человеческой славе. А это самое опасное. И Бога в такой жизни нет, есть только человек, а Бог отсутствует — «это я все делаю, это я, это я». А где же Бог? А где слава Божия? А ее нет. Вот в этом опасность. Поэтому будем держаться строго святоотеческого предания, святоотеческого наследия, опыта новомучеников, опыта святых отцов. И на этом камне будем строить свою духовную жизнь.

Беседовала Наталия Игнатович

Закон Божий в греческих школах переходит в разряд факультативных предметов

Преподавание Закона Божия, который до сих пор в греческих школах был обязательным предметом, отныне станет факультативом.

Соответствующая инструкция распространена в четверг министерством образования и религии Греции.

В частности, эта инструкция касается иностранных учеников начальной и средней школы. Отныне их родители могут обращаться к школьному руководству с просьбой разрешить их детям не посещать уроки Закона Божия.

Церковь в Греции не отделена от государства и принимает активное участие в жизни страны.

Интерфакс

Кабинет министров Узбекистана принял решение о запрете импорта Библий

Латвийское Библейское общество (ЛБО) получило информацию о том, что Библейскому обществу Узбекистана, которое официально зарегистрировано и работает с 1993 года, отказано во ввозе в страну 11 000 Библий, сообщает «Благовест-Инфо».

Как пояснил генеральный секретарь ЛБО Валдис Тераудкалнс, узбекские коллеги пытались решить ситуацию при помощи президента и Комитета по делам религий. Однако уже с 19 мая груз Библий на узбекском и русском языках находится на таможне Ташкента, где его никак нельзя растаможить.

30 июня кабинет министров Узбекистана принял решение о запрете импорта Библий. В этой связи Латвийское Библейское общество, а также Библейские общества других западных стран обращаются с призывом к посольствам Узбекистана и другим организациям с просьбой разрешить эту ситуацию.

Латвийское Библейское общество активно участвует в проектах, которые способствуют налаживанию диалога между религиями, а также предотвращают попытки исламофобии. И в этой связи ЛБО полагает, что было бы честно и справедливо, согласно международным нормам, требовать такого же отношения к себе и других стран, в которых христиане находятся в меньшинстве.

Благовест-инфо

Англиканскому обществу удалось избежать раскола

В продолжавшейся почти две недели встрече, которая имеет статус собора всех 38 Англиканских церквей мира, приняли участие 680 епископов.

Еще 200 епископов бойкотировали нынешнюю Ламбетскую конференцию, которая созывается один раз в десятилетие. Тем самым они выразили свой протест против новейших течений в ряде Англиканских церквей, где открыт доступ для рукоположения в епископы женщин, а также гомосексуалистов.

В результате накануне открытия нынешней встречи внутри англикан создалась угроза схизмы. Однако сейчас ее удалось избежать, хотя церковь продолжает находиться в глубоком кризисе.

Обращаясь с заключительным словом к участникам конференции, архиепископ Кентерберийский Роуэн Уильямс подчеркнул, что Ламбетская Конференция «не удалось разрешить все проблемы». «На это потребуется время», — отметил он.

В качестве средства для консолидации мировой Англиканской церкви и преодоления нынешних острейших противоречий в учении и служении архиепископ Кентерберийский призвал выработать широкое Соглашение (Ковенант) между Англиканскими церквями мира по основным положениям учения и функционированию церкви. «У нас еще много вопросов, требующих безотлагательного решения», — подчеркнул Уильямс.

Одновременно он выступил с инициативой по созыву в будущем году специальной встречи глав Англиканских провинций для выработки основных документов для предстоящего Ковенанта.

Как отмечают в Лондоне, тот факт, что на нынешней Ламбетской конференции не произошел раскола всемирной Англиканской церкви, насчитывающей 77 миллионов прихожан, является личной заслугой Уильямса.

ИТАР-ТАСС

Синод Элладской Православной Церкви предложил создать специальную тюрьму для священнослужителей

Постоянный Синод Элладской Православной Церкви направил в адрес министра просвещения Греции Эврипидаса Стилианидаса и министра юстиции Сотириса Хадзизакиса официальный запрос об образовании специализированного тюрем для клириков и монахов, которых предлагается содержать в монастыре «Золотой Источник» в Ано Дибири, ном Элида (Пелопоннес), сообщает сайт «Православие в Украине» со ссылкой на «Romfea.gr».

Этот запрос был сделан спустя несколько недель после заключения под стражу в тюрьму Коридалла бывшего митрополита Атики, владыки Пантелеимона. Он был осужден в июне этого года Апелляционным судом за растрату значительных денежных сумм, взятых им из монастыря святого Ефрема в Неа Макри, и сейчас отбывает в тюрьме шестилетний срок.

«Священный Синод постановил просить у Вашего Превосходительства, чтобы Вы выступили с предложением к премьер-министру о составлении указа об образовании специального исправительного учреждения для клириков и монахов Элладской Церкви на территории определенных монастырей», — говорится в послании Синода, отправленном в начале июля и подписанном архиепископом Иеронимом, председателем Синода, и архимандритом Кириллом Мисиакисом, старшим синодальным секретарем.

Таким образом, члены Синода на основании решения, принятого 25 июня, просят о приведении в действие 57 статьи «Устава» Элладской Церкви, являющегося государственным законом Греции (590/1977) и предусматривающего существование специальных «церковных тюрем». «Наказания, налагаемые на клириков и монахов решением уголовных судов, включающие лишение свободы, в тех случаях, когда осуждение в отношении клириков не сопровождается их извержением из сана, отбываются в специализированном исправительном учреждении для клириков», — сказано в упомянутой статье.

К посланию Синода прилагается также проект указа премьер-министра. «В рамках сотрудничества и взаимопонимания между Церковью и государством в вопросах, представляющих обоюдный интерес, пересылаем Вам в приложении проект министерского указа и просим сообщить нам о внесенных в него поправках, если таковые будут приняты».

Согласно предложению, выработанному юридической службой Синода, «клирики и монахи Восточной Православной Христовой Церкви Эллады, находящиеся под стражей, должны составлять особую категорию заключенных и находиться в исправительных учреждениях для клириков». С этой целью «создается учреждение для содержания (исправительный дом) клириков и монахов с местом пребывания в монастыре Ано Дибири, в Элидской епархии». Правила внутреннего распорядка в специализированных исправительных учреждениях должны получить одобрение министра юстиции, с ведома Постоянного Священного Синода, и заключенные смогут «исполнять беспрепятственно свои религиозные обязанности».

Чиновники министерства просвещения и юстиции уже работают над запросом Синода, и если он будет удовлетворен, владыка Пантелеимон и другие заключенные клирики переедут из тюремных камер в «камеры» древнего монастыря.

ГЛАВЫ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ В ХОДЕ ЮГОСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТА ПОСТОЯННО ПРИЗЫВАЛИ К ПРЕКРАЩЕНИЮ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И РАЗРЕШЕНИЮ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ПУТЕМ ПЕРЕГОВОРОВ

Все дни, пока продолжалось военное противостояние Грузии и Южной Осетии, невозможно было предсказать, удастся ли воюющим сторонам вовремя остановиться. В надежде на то, что народы, имеющие православные корни, окажутся способны преодолеть неизбежное во всяком военном конфликте неконтролируемое его усугубление, к ним все это время обращались представители церкви.

8 августа было обнародовано Заявление Святейшего патриарха Алексия:

«Узнав о боевых столкновениях в Цхинвали и его окрестностях, призываю противостоящих прекратить огонь и вернуться на путь диалога. Сейчас на земле Южной Осетии льется кровь, и гибнут люди, о чем глубоко скорбит мое сердце. Среди тех, кто поднимает руку друг на друга, — православные христиане. Более того, столкнулись друг с другом православные народы, призванные Господом жить в братстве и любви.

Знаю о призыве к миру, сделанном Святейшим Католикосом-Патриархом всея Грузии Илий II. Обращаю к тем, кто сегодня ослеплен враждой, и свой горячий призыв: остановитесь! Не дайте пролиться еще большей крови, не позволяйте многократно расширить сегодняшний конфликт! Проявите мудрость и смелость: сядьте за стол переговоров, в ходе которых уважались бы традиции, взгляды и чаяния грузинского и осетинского народов.

Русская Церковь готова объединить усилия с Церковью Грузинской для содействия достижению мира. Бог наш, Который «не есть Бог неустойчивости, но мира» (1 Кор. 14:33), да будет нам в этом Помощником».

В этот же день Грузинская Патриархия распространила заявление, в котором Католикос-патриарх всея Грузии призывал паству Грузинской церкви усилить молитву за мир. Он также обратился к России, США и европейским странам с призывом сделать все, чтобы конфликт в Южной Осетии решился мирно. «Мы ни с кем не воюем — мы пытаемся защитить нашу исконную землю. Мы считали их

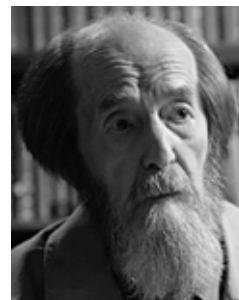
(осетин) и считаем нашими братьями и мы призываем их остаться так же братьями», — сказал предстоятель Грузинской Церкви. При этом он подчеркнул, что «время пройдет, и все уляжется, а народы вновь будут дружить, как и прежде». Согласно распоряжению патриарха Илии II, во всех действующих храмах ежедневно должны проводиться службы во имя мира до завершения военных действий.

10 августа Папа Римский Бенедикт XVI призвал к незамедлительному прекращению конфликта в Южной Осетии. Он также обратился к мировым лидерам с призывом помочь нахождению мирного решения для выхода из сложившейся ситуации. Понтифик сказал, что ему «глубоко больно» получать сообщения о невинных жертвах и многочисленных беженцах. «Я уповаю на то, что военные действия будут незамедлительно прекращены, а также на то, что во имя их христианских ценностей стороны воздержатся от дальнейших столкновений и боевых действий», — заявил Бенедикт XVI. — Я призываю международное сообщество и державы, пользующиеся особенным влиянием в сложившейся ситуации, приложить все возможные усилия для того, чтобы найти мирное решение».

Днем ранее глава пресс-службы Святого Престола Федерико Ломбарди подчеркнул, что в Ватикане шокированы событиями в Южной Осетии. «Мы надеемся, что мудрость, стремление к миру и переговоры смогут одержать верх над использованием оружия», — сказал он. — «К сожалению, Кавказ — это один из тех районов мира, в которых скопилось напряжение. Это напряжение может давать о себе знать после нескольких лет относительно спокойствия».

В день сдачи нашего номера в печать пришло известие о начале мирного урегулирования конфликта. Однако молитесь об упокоении всех убитых и здравии всех пострадавших надо продолжать. Напоминим, что лишь в первые дни конфликта погибли полторы тысячи мирных жителей, населявших Цхинвали и его окрестности

В ПАМЯТЬ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Умер Александр Солженицын. Человек, родившийся в «боевом 1918-м», переживший эпохи сталинизма, хрущевской «оттепели», брежневского зстоя, собственную эмиграцию, триумфально возвратившийся и увидевший Россию на подъеме, в «обвале» и после обвала. Все пережитое, так или иначе, нашло отражение в его книгах и устных выступлениях, а они, в свою очередь, в людских сердцах и умах. Из десятков крупных произведений Солженицына сейчас в первую очередь почему-то вспоминается «Бодалес теленок с дубом» — пожалуй, именно оно уже по названию ярче других очерчивает образ писателя. Конечно, его «бодание» не было веселой игрой от избытка природных сил. Он противостоял удушающему режиму (всего лишь посмел думать, не соглашаться и даже делиться этим с другими), не поддавался тюрьме и лагерю, раковой опухоли. Затем, как и всякий настоящий писатель, боролся с листами бумаги. А победив — с «совком», на дух не принявшим его главного творения — «Архипелага», который фактически зачеркнул все внешние достижения безбожной и бесчеловечной власти: очевидно, что они построены на крови и слезах. Журналисты, исполнявшие заказ морально уничтожить Солженицына, не нашли ничего лучше, как издаваться над его фамилией, вывод ее из слова «соглать». На самом деле она — от слова «соллод» (А.И. считал поэтом, что родоначальники династии были пивоварами). Но если уж идти по пути слуховых ассоциаций, кажется, что она связана с чем-то солнечным. Или с солью...

Огромная нравственная сила, исходящая от многих героев его книг, укрепляет и вдохновляет. Это люди, простые и непростые, тоже «бодавшиеся» с миром сим, каждый по-своему. Кто — с открытым забралом, мужественно, благородно и иронично, как, например, Солонгин («В круге первом»). Кто — с кротостью, скорбью и даже растерянностью, как Матрёна («Матрёнин двор») или Твритинов («Случай на станции Кочетовка»). Но всегда — в одном духе, который не от мира сего.

В заключение — очень кратко о христианском значении творчества Александра Солженицына, лично пережившего трагедию утраты христианской веры («... и без грехота, тиз рассыпалось / здание веры в моей груди...») и счастье ее обретения вновь («Бог вселенной! Я снова верую! И с отрешением был Ты со мной...»). Оно видится не только в создании им литературных героев, в жизни которых Христос, прямо или косвенно, побеждает, но и в том, что русский язык эпохи социализма у него оживает, обретает качества, присущие лишь классической русской литературе. Это значит, что как бы повер живущих в ней звуков «божественной эллинической речи» и «острого гальского смысла», переживов «Слова о полку Игореве» и путающий глубины прозрений Толстого и Достоевского он положил угловатые, жесткие, даже грубые словесные «камни», и они приросли, заиграли, воскресли! Именно поэтому столь значительным представляется не раз с полной определенностью высказанное им мнение о необходимости перевода православного богослужения на русский язык.

К сожалению, в последнее десятилетие жизни и эти, и многие другие его слова падали отнюдь не на плодородную почву. Однако, глядя на почти 90-летнего, огромную, по земным меркам, жизнь Александра Солженицына, нельзя не увидеть, как часто ему приходилось уподобляться гласу вопиющего в пустыне в 60-е, 70-е, 80-е годы. Те, кто имел уши, слышали. Пусть же Господь, осуждающее Восполняющий, очистит от всякого несовершенства своего верного раба, примет его в Своё Царство и даст новую силу его голосу. Вечная ему память!

Александр КОПИРОВСКИЙ
Информационная служба СФИ

Фото Константина Заважанина (сайт: rg.ru)

ГЛАВНЫМ ИТОГОМ ТОРЖЕСТВ В ЧЕСТЬ 1020-ЛЕТИЯ КРЕЩЕНИЯ РУСИ СТАЛО СОХРАНЕНИЕ ЕДИНСТВА ЦЕРКВИ

Раскола Церкви на праздновании 1020-летия Крещения Руси не произошло, и это стало главным итогом торжеств, считает председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл.

«По милости Божией, этого опасного и страшного для религиозной жизни Украины, для целостности нашей Церкви события не произошло», — заявил митрополит Кирилл во вторник на пресс-конференции в «Интерфаксе». Он отметил, что сразу после распада СССР на Украине «под влиянием совершенно конкретных политических сил» был создан раскол, который все эти годы «пытался легализоваться», а в последнее время для этого

употреблялись «очень большие усилия». Так, «была опасность, что это могло произойти в связи с празднованием 1020-летия Крещения Руси», отметил владыка. Он заявил, что не хочет в данный момент быть «слишком оптимистичным», поскольку в жизни «возникают часто новые проблемы».

«Но на сегодня, я думаю, мы все с облегчением вздохнули. И не только на Украине и в России, но с облегчением вздохнуло все мировое Православие. Потому что не произошло самого печального, самого опасного. Мы не разделились, но мы завидательствовали свое единство, которое превыше всего», — отметил митрополит Кирилл.

Источник: patriarchia.ru

В СОЛОВЕЦКОМ МОНАСТЫРЕ НЕОБХОДИМО УВЕКОВЕЧИТЬ ПАМЯТЬ ЖЕРТВ ГУЛАГА, СЧИТАЕТ ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯЩЕННИК

Протоиерей Георгий Митрофанов считает, что монастырь на Соловках должен вернуться «к своей первоначальной форме существования» и что духовное возрождение монастыря невозможно без увековечивания на его территории трагической истории ГУЛАГа.

Профессор Санкт-Петербургской духовной академии протоиерей Георгий Митрофанов считает, что духовное возрождение Соловецкого монастыря невозможно без увековечивания на его территории трагической истории ГУЛАГа.

«Соловецкому кремлю необходимо придать вид памятника, посвященного одному из величайших преступлений XX века. А сам монастырь никогда не сможет существовать в прежнем виде без увековечивания ГУЛАГа», — заявил священник в понедельник на круглом столе, посвященном проблеме взаимоотношений музеев и храмов.

По его убеждению, монастырь на Соловках должен вернуться «к своей первоначальной форме существования». «Это должны быть скиты, то есть отшельнический тип монастыря. Скиты гораздо легче и дешевле восстановить, чем организовывать и восстанавливать другие формы монашеского устройства», — отметил отец Георгий.

Он также коснулся проблемы спорного владения памятниками на территории Соловецких островов, выразив мнение,

что для ее решения необходимо, прежде всего, принять закон о церковной реституции. «После принятия такого закона стало бы легче разобраться, какие именно здания принадлежат Церкви», — считает профессор.

В ходе круглого стола он также высказался резко против проведения фестиваля бардовской песни на территории Соловецкого монастыря.

«Для меня авторская песня — это культурно-профанная тусовка. Проведение таких фестивалей нравственно и исторически бестактно. Самовыражаться на камнях, где пролита кровь 70 тысяч заключенных, безнравственно. Подобные фестивали — это прямой путь к забвению культуры», — считает священник.

В свою очередь бывший директор Соловецкого музея-заповедника Лев Востряков, говоря об имущественных спорах, сообщил, что в настоящее время на архипелаге четыре реальных хозяина, правовые отношения между которыми не определены: министерство культуры, лесное хозяйство, местная власть и монастырь.

«Нужен акт на уровне Российской Федерации, который регламентировал бы сферы ответственности каждого из субъектов», — подчеркнул он.

Источник: interfax-religion.ru

В ФЕОДОСИИ В ХОДЕ РЕСТАВРАЦИИ ХРАМА XIV ВЕКА ОБНАРУЖЕНЫ ДРЕВНИЕ ФРЕСКИ

В Феодосии в ходе реставрации храма XIV века обнаружены древние фрески — предположительно современные самой церкви.

Средневековая роспись в феодосийском храме святого великомученика Димитрия Солунского сохранилась чудом. Она пережила крымское ханство, русско-турецкую, гражданскую и Великую Отечественную войны. Больше всего за свою семивековую историю фрески пострадали при советской власти. Часть росписи уничтожили, лики святых на уцелевших фрагментах стерли, а в храме организовали склад горюче-смазочных материалов, передает НТВ.

По одной из версий, эти образы вместе со своими подмастерьями создавал учитель Андрея Рублева Феофан Грек. В этом мнении сошлись почти все эксперты, побывавшие в храме. Известно, что Феофан Грек действительно работал в г. Кафа, но ранее считалось, что его крымские росписи не сохранились.

Сюжеты фресок читаются с трудом, роспись нуждается в серьезной реставрации. По подсчетам экспертов, на полное восстановление средневекового храма и его фресок понадобится не менее 12 миллионов долларов.

Источник: blagovest-info.ru

Контекст разговора

У каждого народа, в конце концов, только одно призвание. Он может, конечно, отказаться от него и продолжать существовать. Он может достичь благополучия и сытости, благоустройства и могущества — «на страх врагам»... Но и к нему относятся тогда евангельские слова: «какая польза ему, если он весь мир приобретет, а душе своей повредит?» Призванием души России — русской культуры — было ответить на один вопрос: что такое «культура», в чем смысл ее и содержания, после Христа, после Боговоплощения, после Пятидесятницы? Христианский Запад от вопроса этого в какой-то судьбоносный момент своей истории отказался, просто «снял его с повестки» и, в сущности, только в этом отказе и отречении и обличили его русские мыслители и писатели, начиная с Чаадаева и Хомякова. Провозгласив, в своей земной и расчетливой мудрости, «автономию» культуры, разумно и самоуверенно разграничив сферы «религии» и «культуры», Запад не знал, да и сейчас еще не понимает, что тогда-то и началось то внутреннее разложение и религии и культуры, зловещими признаками которого наполнено наше время.

Русская же культура вопрос этот приняла и сделала его действительно вопросом духовной судьбы самой России. И ничего не меняет в этом ее теперешнее падение, ибо в том-то и раскрывается оно как именно падение, что никакой другой культуры создать оно не смогло, а создало беспрецедентную по своим размерам, бездарности и пошлости «анти-культуру». Ничем другим в своем падении русская культура стать не могла. И потому само это падение, сама эта «анти-культура», служат лучшим доказательством того, о чем всем своим внутренним огнем и напряжением свидетельствова-вала та, другая, подлинная, русская культура. Уже больше нельзя обманываться: пустота, ложь и подделка советской «анти-культуры» совсем не только от отсутствия «гражданских свобод», от грубого насилия и террора. Та же самая пустота, подделка и ложь все очевиднее начинают проступать и там, где царят еще «гражданские свободы» и обеспечена полная «автономия» культуры. Ибо по-настоящему дело, конечно, в том, что самой-то этой «автономной» культуре все очевиднее нечего и не о чем сказать, нечего воплотить. Разница же только в том, что в той стране, которая раньше называлась Россией, это «нечего» вдобавок призывало облекать в нестерпимо елейную-оптимистическую ложь, а на Западе культуре никто не мешает со все большим техническим совершенством свидетельствовать о собственном разложении.

Но разве не было предсказано и провозвещено все это в России устами русских писателей и мыслителей? Разве на последней своей глубине не была подлинная русская культура именно простотой и предостережением? Разве взлеты ее, но также и неудачи и крушения, не от подспуного, всю ее пронизывающего знания, что в мире, в котором был Христос, нельзя ни жить, ни творить так, как если бы Его не было? Как если бы не был обожжен в нем человек и вознесен к Богу? Как если бы не сходил в тот таинственный третий час Дух Утешитель и не изливался дождь благодати на землю? Как если бы после Боговоплощения и Распятия, Пасхи и Вознесения не стала невозможной, страшной, подлинно самоубийственной всяческая «автономия»?

И вот то, что подспуно, может быть, с самого начала вдохновляло русскую культуру, то — под самый конец, когда уже неизбежно нарастала катастрофа, стало темой и вопросом самой русской мысли и в ней возрождающегося, от своих западных, схоластических пелен освобождающегося, православного богословия. И, конечно, самое важное и глубокое в этом возрождении это то, что на главный и самый страшный соблазн нашего времени — на соблазн развоплотить Христа, отнять от Него Его мир, русская религиозная и богословская мысль ответила творческим, вдохновенным исповеданием Церкви. Должно быть, тут нужно было бы разъяснить, что под Церковью разумеется здесь не то, что связала с этим словом расцерковленная русская интеллигенция и в чем, как это ни звучит странно и прискорбно, слишком часто убеждали ее сами «церковники», своим равнодушием к культуре, если не открытым и упрощенным ее отрицанием. Я не делаю этого, потому что, в сущности, именно это и сделал о. Сергий, именно об этом его творчество, его призыв, его свидетельство. Потому что сам он вернулся не к «христианству» вообще, не к расплывчатому христианскому идеализму и гуманизму, а к Престолу, на котором вечно «исполняется» таинство Боговоплощения и нисходит тот огонь, о котором томился Христос — когда он возгорится. И вернулся не для покоя или бегства, а для того, чтобы этим огнем просвещать и возвращать ко Христу вечно опадающий от Него и забывающий о Нем мир. Нет, конечно, не для культуры и не о культуре Церковь. Но только от ее огня родилась та единственная по своей глубине и свободе, правде и человечности культура, распад которой, отречение от которой на наших глазах расчеловечивают мир. Не для культуры Церковь. Но только Церковь может сделать ее целостным ответом человека Богу на Его дар, наполнить ее истиной, добром и красотой, жить без которых она не может...

Прот. Александр ШМЕАН. Из статьи «Три образа»

ГОВОРИТЬ О ПУСТОТЕ ВОЗМОЖНО, ЛИШЬ ИМЕЯ ВНУТРИ СЕБЯ ОПЫТ ПОЛНОТЫ

Фрагменты встречи Свято-Андреевского малого православного братства, посвященной теме предстоящей братской конференции Преображенского содружества «Духовное противостояние пустоте в церкви и обществе»

Свящ. Георгий Кочетков: У нас люди очень боятся пустоты, они всегда как бы стремятся к полноте жизни, к полноте любви, к полноте веры, а всякое понятие пустоты настолько связано с «инферно», что люди просто боятся об этом даже думать и говорить. Интересно, что понятие пустоты существует во всех более или менее значительных мистических учениях и практиках, причем, что удивительно — не только христианских. Это одно из универсальных мистических понятий, которым оперируют везде — не только в христианском ареале (а значит, во всем мире), но и во всем ареале индийской и китайской культуры; в мусульманском мире, особенно в мистических мусульманских сектах, также существует представление об этом. То, что противопоставит в Индии нирване, а в исламе Божественному Свету — это пустота, которая одновременно и тьма, и предел бескачественности. Эта связь чувствуется сразу: всякое снижение качества жизни, в первую очередь духовное — приводит к пустоте.

Пустота — это понятие, которое удалось сохранить в его духовном смысле даже в атеистические времена, потому что с ним невозможно было бороться. И его допускали — в художественной литературе, в музыке, да и просто в повседневной жизни: когда человеку говорили «у тебя пустое сердце» или «у тебя пустые глаза», в это вкладывали, как вы понимаете, духовный смысл. И все люди это понимали.

Никто не возвышает голоса за правду, и никто не вступает за истину; надеются на пустое и говорят ложь, начинают зло и рождают злодейство. Ис. 59:4

В то же время тема эта совсем не проста, с ней связаны вещи вовсе не очевидные. Так, скажем, суета, которая кажется чем-то избыточным, на самом деле приводит именно к пустоте. Лишнее оказывается пустым. От чего страдает сегодня наш мир? От излишеств. Весь европейско-американский образ жизни стоит на потреблении и на суете — для того, чтобы убедиться в этом, достаточно поехать в Западную или Центральную Европу. Меня это поразило в первую же мою поездку в Швейцарию: у людей (они совсем не обязательно злые, они не хотят делать ничего плохого и сами страдают в первую очередь) — пустые глаза. Подходишь к храму —

ощущение пустоты, и не только потому, что в нем мало народа.

Для нас эта тема оказалась очень «горячей». Ведь в этом контексте пустота — понятие экзистенциальное, это то, что противопоставит полноте. А что такое полнота? Есть полнота, скажем, в вещах формальных. Например, в математике. Мы с вами пользуемся иногда теоремой Гёделя о неполноте¹. Или говорим о качествах в связи с третьим законом термодинамики². Конечно, это нельзя прямо прилагать к духовной жизни, да и вообще ко всей жизни, ко всему миру, ко всему творению, но, тем не менее, это описывает какие-то очень важные духовные сюжеты, хотя бы по принципу аналогии. И поэтому мы очень хорошо понимаем, что гово-

И будут разорены населенные города, и земля сделается пустою, и узнаете, что Я Господь. Иез.12:20

рить о пустоте — это значит где-то внутри себя иметь опыт полноты. В нашем братстве совершенно не случайно возникло молитвенное прошение о возрождении полноты жизни Церкви и всех служений в ней. Служение во Христе — это действо Духа, это дар Отца. И это вещи для нас центральные. Тема о пустоте, которая противопоставлена полноте, прямо говорит о нашем призвании — но так, как Люис писал «Письма Баламута»: учебник аскетике, только наоборот, «с точки зрения ада».

Мы специально сделали это темой братской — а не сугубо научной — конференции. Для нас это и не чисто художественно-поэтический образ, не предмет размышлений только в контексте «пустота или полнота в литературе, в искусстве». Да, здесь тоже есть о чем говорить, потому что это не только чисто духовная, церковная тема, и, как я уже сказал, не только христианская. Это универсальная тема, понятная всем людям на земле. Попробуйте, поговорите об этом со своими неверующими или малоцерковными друзьями, знакомыми, родными, поговорите с детьми — и маленькими, и большими. Вы получите очень интересный опыт. Говорить на эти темы можно и с философами, и с историками мысли. Хотя, повторяю, в своей глубине это не научная тема, она не может быть объективирована, она экзистенциальна, духовна, она касается самих отношений наших, самого способа существования духа — или его отсутствия — в тварном мире.

И последнее, о чем я хотел бы сказать, чтобы более или менее определить всё понятийное поле этой темы: духу и смыслу противопоставит соответственно отсутствие духа и отсутствие смысла. Бессмыслица, как и бездуховность — это пустота. Присутствие же смысла и духа приближает нас к пол-

И будет рука Моя против этих пророков, видящих пустое и предвещающих ложь; в совете народа Моего они не будут, и в список дома Израилева не впишутся, и в землю Израилеву не войдут; и узнаете, что Я Господь Бог. Иез.13:9

ноте. Вот почему мы с самого начала в нашем братстве говорили: мы ищем полноты духа и смысла. Чего мы хотим? — Да ничего особенного, всё очень просто, — чтобы не было в церкви бессмыслицы, чтобы не было таких лакунов, где отсутствует дух, где он не может действовать. Всякое препятствие на пути действия духа есть борьба и с Богом, и с человеком, с церковью. А таких препятствий в нашей церкви огромное количество. В основном они сидят внутри нас, но много и внешнего, того, что уже принято за норму церковной жизни. Поэтому люди, приходя в храм, приходя к Богу, стремясь к общению, — а общение тоже один из путей обретения духа и смысла, — часто не находят его. Это, конечно, не новость, с этим боролись юродивые и пророки, но пророческое начало часто, к сожа-

Рельеф на триумфальной арке Тита в Риме. Одно из исполнений пророчества Христа об Иерусалиме: «Вот, дом ваш будет оставлен и пуст»³ (Мф 23.37-42)

нию, подавлялось в церкви во имя порядка. И ссылались при этом на слова апостола Павла: «В церкви всё должно быть благообразно и по чину». И этим оправдывали и оправдывают не только создание определённых форм духовной жизни, что нормально, но и подавление формой духа и смысла. Мы с вами сталкиваемся с этим постоянно — с тем, что иконостасы разделили церковь, с тем, что церковнославянский язык совершенно отторг церковный народ от церковных смыслов, даже тех, которые выражены в богослужении, что иерархия отделилась от народа — давно, не сейчас, и она существует как бы на другой планете. Духовное ощущение человека, находящегося в алтаре и просто в христианском православном храме совершенно разное, уверяю вас. Жалко, что не все вы можете это проверить на себе. Но очень рекомендую сделать это тем, кто имеет такую возможность.

Если перейти от общецерковного масштаба, самого главного, самого центрального для всех нас, к личностному (и к его тёмному двойнику — индивидуальности, индивидуалистическому), в том числе в социальном, культурном контексте, тут тоже возникают очень интересные духовные вещи. Я уже немного касался этого, говоря о пустых глазах, пустом сердце, пустом слове. Это прежде всего личностные характеристики (но и соборные, ибо личностное всегда неразрывно связано с соборным). Глаза бывают пустыми и сердце опустошается всегда у конкретного человека, и страдает, и умирает от этого — сначала духовно, потом физически — конкретный человек. «Есть смерть духовная прежде смерти физической», — говорили православные святые отцы-аскеты. И нет более убийственного начала, более явной манифестации ада, чем пустота. Да, люди чувствуют дыхание ада еще в своей земной жизни, и отсюда все наши (иногда очень примитивные, но это сейчас не важно) представления о смертных грехах и т.д. В противовес этому само понятие личности возникает как опыт полноты человеческой жизни. А что такое полнота человеческой жизни? Вам психолог никогда не ответит на этот вопрос. Это самое сердце христианства. Только Христос отвечает на этот вопрос, а это не уровень психологии.

Сергей Смирнов: Кроме пустоты есть ещё страхи, злора. Если говорить, что пустота — это мани-

Ты будешь есть, и не будешь сыт; пустота будет внутри тебя; будешь хранить, но не убережешь, а что сбережешь, то предам мечу. Мих.6:14

фестация ада, то, скажем, страх или злора — тоже манифестация ада. Как одно с другим связано? Является ли пустота отсутствием в том числе и страха, и злора? Вы говорите: «пустота в глазах», а можно сказать — злора в глазах. Это немного другое состояние. И если спросить, что предпочтительнее — с каким человеком встретиться...

О. Георгий: Это две стороны одной медали, друзья мои. Это одно и то же, только с двух разных сторон. Просто пустота агрессивна, а в данном случае злора — это проявление агрессии. Это не просто озабоченность.

Сергей Смирнов: Это одержимость духами злора.

О. Георгий: В том-то и дело. Но духи злора, они же внутри себя пусты, это ангелы сатаны. Есть ведь огромная литература по ангелологии. Откуда она бралась? Как раз из потребности эти вещи осознать, понять, откуда что берётся. Безусловно, и то, и другое — явление ада, но пустота здесь — первооснова. И войдя в мир, она смешивается с другими духами и другими вещами. Почему самое страшное — это смешение? Когда возникает смешение, неизбежна борьба. И важно, кто кого защищает, за что борется. Но если не увидеть этого смешения, возникает соблазн отказаться от борьбы, отрицать ее необходимость. Когда я опубликовал в 70-х годах свою «герасимовскую» статью (там есть целый параграф, который называется «Борьба за Церковь»), меня часто обвиняли, говоря: «Не нужно за церковь бороться, потому что она сама является и всё побеждает. Не нужно защищать церковь, это ваша интеллигентская гордость. Вы что, хотите спасти церковь? Не церковь спасают, а в церкви спасаются». Вы слышали такие разговоры? (*Голоса: да, да.*) Отлично, как здорово. В чём неправда этих утверждений? Ведь формально-то всё правильно. А как раз в этом: в смешении церкви с Царством Небесным. А церковь живёт в мире сем.

Нам важно попытаться по возможности в самых разных контекстах увидеть эту реальность, понять — что же такое пустота и как с ней бороться. Я вам сейчас дал самую общую картину, самый общий подход ко всем этим вопросам. Но их надо, во-первых, правильно понять, и во-вторых, что самое главное — научиться применять к себе, к своей жизни. То, что ад убивает, что пус-

Церковь Скорбящего Господа на склонах Масличной горы. На этом месте Иисус олакалво предостоящее разрушение Иерусалима (Лк 19:41-44).

тота убивает — это всем понятно. В каком-то смысле можно сказать, что пустота — это синоним сатаны, это имя дьявольское. Везде, где появляется пустота, уничтожается дух от Бога, уничтожается жизнь. Но ведь сатана действует через конкретных людей. Он может, правда, действовать и через весь мир, он князь мира сего, как вы знаете, по слову Христову: «Идёт князь мира сего и во Мне не имеет ничего». Почему многих людей так привлекает Евангелие от Иоанна? Там есть эти редкие места, которые притягивают как магнитом внимание человека, потому что каждый понимает, что в этом есть какая-то страшная тайна. И в этом смысле пустота — это тоже тайна, это мистический вопрос. Так же как и полнота — мистический вопрос, и всегда есть тайна полноты. Мы не можем дать дефиниции, определения ни полноты, ни пустоты, но мы можем быть приобщёнными к опыту жизни или в приближении к полноте, когда мы касаемся этой полноты, или, наоборот, к пустоте, когда мы касаемся этой пустоты. Мы же знаем, что с нами происходит, когда опустошается наше сердце, мы же знаем безблагодатные состояния и умеем, пусть и очень плохо, но умеем, различать душевные, эмоциональные и умственные или волевые свои начала — и духовно-мистические. Без этого невозможно христианская жизнь. И мы об этом не можем говорить слишком много: во-первых, трудно говорить корректно, не впадая ни в какие иллюзии, а

Ибо терафимы говорят пустое, и вещуны видят ложное и рассказывают сны лживые; они утешают пустотой; поэтому они бродят как овцы, бедствуют, потому что нет пастыря. Зах.10:2

во-вторых — это просто не та область, где существует много слов, способных вообще что-то по существу здесь описать. Но всё-таки мы решились на братскую конференцию по этой теме и даже объявили ее темой года после того, как стало ясно, что одной конференции здесь мало, что нужна серьёзная работа каждого члена братства, каждого из нас. Я уже говорил несколько проповедей на эту тему, особенно Великим постом. И это настолько горячо для каждого человека, это настолько касается самого центра его жизни, что уйти от этого нельзя. Кто-то может не найти слов для того, чтобы описать свой опыт, — такое может быть, это, действительно, просто — но это касается каждого из нас.

¹В популярном виде содержание двух теорем Гёделя о неполноте можно изложить следующим образом: «Всякая система математических аксиом начиная с определенного уровня сложности либо внутренне противоречива, либо неполна».

²Точная формулировка этого закона: «В любом изотермическом процессе, проведенном при абсолютном нуле температуры, изменение энтропии системы равно нулю независимо от изменения любых других параметров состояния (например, объема, давления, напряженности внешнего силового поля и т. д.). Иными словами, при абсолютном нуле температуры изотермический процесс является также и изэнтропийным».

³Это место, встречающееся у Матфея и Луки, — единственная цитата в Четвероевангелии, напрямую связанная со словом «пустота». Мы приводим ее в переводе С.С. Аверинцева.

Контекст разговора

«Мне шел 24-й год, но уже почти десять лет в душе моей подорвана была вера, и, после бурных кризисов и сомнений, в ней воцарилась религиозная пустота. Душа стала забывать религиозную тревогу, погасла самая возможность сомнений, и от светлого детства оставались лишь поэтические грезы, нежная дымка воспоминаний, всегда готовая растаять. О, как страшен этот сон души, ведь от него можно не пробудиться за целую жизнь! Одновременно с умственным ростом и научным развитием душа неуклонно и незаметно погружалась в липкую тину самодовольства, самоуважения, пошлости. В ней воцарялись какие-то серые сумерки, по мере того как все более потухал свет детства. И тогда неожиданно пришло то... Завучали в душе таинственные зовы, и ринулась она к ним навстречу...»

Вечерело. Ехали южную степь, овеянные благоуханием медовых трав и сена, озолоченные багрянцем благодатного заката. Вдали синели уже ближние кавказские горы. Впервые видел я их. И впервые жадные взоры в открывавшиеся горы, впивая в себя свет и воздух, внимал я открыванию природы. Душа давно привыкла к тупою, молчаливою болью в природе видеть лишь мертвую пустыню под покрывалом красоты, как под обманчивой маской, помимо собственного сознания, она не мирилась с природой без Бога. И вдруг в тот час заволановалась, зардовалась, задрожала душа: а если есть... если не пустыня, не ложь, не маска, не смерть, но Он, благой и любящий Отец, Его риза, Его любовь... Сердце колотилось под звуки стучавшего поезда, и мы неслись к этому догорающему золоту и к этим сизым горам. И я снова старался поймать мелькнувшую мысль, задержать сверкнувшую радость... А если... если мои детские, святые чувства, когда я жил с Ним, ходил пред лицом Его, любил и трепетал от своего бессилия к Нему приблизиться, если мои отроческие горения и слезы, сладость молитвы, чистота моя детская, мною осмеянная, оплеванная, загаженная, если все это правда, а то, мерцающее и пустое, слепота и ложь? Но разве это возможно?»

Прот. Сергей БУЛГАКОВ. Из книги «Свет не вечерний»

Фрагмент, который приводится ниже, связан с совсем иным, чем во всех остальных материалах страницы, подходом к определению термина «пустота». Мы приводим его здесь прежде всего для расширения контекста разговора, так как именно такой подход является в наше время одним из самых распространенных.

«Как мы и о богах думаем, и о людях знаем, всегда, в силу природной необходимости, они удерживают всю полноту власти, которой располагают» (Фукидид). Душа, как газ, стремится занять все уготованное для нее пространство. Если бы газ сжимался и оставлял пустоту, это противоречило бы закону энтропии. Не так — с христианским Богом. Ведь это Бог сверхъестественный, в отличие от Иеговы — естественно-природного Бога.

Не использовать всю ту полноту власти, которой мы обладаем, — значит выносить пустоту. Это противоречит всем природным законам: на такое способна лишь благодать.

Благодать наполняет с лихвой, но она может войти лишь в оставленную для ее принятия пустоту, она же эту пустоту и создает.

Необходимость воздаяния: получить ровно столько, сколько мы отдали. Но если, совершив насилие над этой необходимостью, мы оставим пустоту, она превратится во что-то вроде призыва к воздуху, и тогда возникнет неземное (supernaturel) воздаяние. Оно не придет, если мы уже получили иную плату: вызовет его эта пустота.

То же самое и с возвращением долгов (что относится не только к тому злу, которое другие нам причинили, но и к тому добру, которое мы сделали другим). Здесь также мы принимаем в себя пустоту.

Принять в себя пустоту — это сверхъестественно (supernaturel). Где найти энергию для действия без компенсации? Энергия должна прийти извне. Но сначала нужно что-то вырвать в себе с корнем, согласиться на безнадежность, чтобы прежде в нас возникла пустота. Пустота: темная ночь.

Восхищение, жалость (особенно смесь обоих) доставляют реальную энергию. Но нужно обойтись без них.

Какое-то время нужно оставаться вообще без воздаяния — и земного (naturel), и неземного (supernaturel).

Необходимо представление о мире, в котором имела бы место пустота, для того чтобы мир нуждался в Боге. А это предполагает существование зла.

Любовь к истине означает способность выносить пустоту, и как следствие этого — принятие смерти. Истина стоит бок о бок со смертью.

Лишь на краткий миг удается человеку избежать законов этого мира. Мгновения остановки, созерцания, чистой интуиции, умственной пустоты, принятия нравственной пустоты. Именно в эти мгновения он способен к неземному (supernaturel).

Тот, кто вынесет мгновение пустоты, либо получит чудесный (supernaturel) хлеб, либо падет. Ужасный риск, но на него нужно пойти, и в какой-то момент даже без надежды. Но не нужно самому в него бросаться.

Симона ВЕЙЛЬ. Из книги «Тяжесть и благодать»

МИРЯНИН В ЕПИСКОПСКОМ САНЕ

К 5-летию со дня преставления митрополита Сурожского Антония

В предновогодний вечер уходящего 1991 года из морозных питерских сумерек я ступил внутрь светлого и теплого Спасо-Преображенского собора. Помолвившись, подошел к свечному ящику — посмотреть, нет ли чего почитать. Книжки в храме тогда были еще редкостью, и каждая новинка привлекала внимание. На прилавке, рядом с патриархийным календарем, скромно сидела клеенчатая брошюра «Беседы о вере и Церкви» митрополита Сурожского Антония. Почему-то это имя мне показалось знакомым. «Всего две осталось», — бросил мне продавец, серьезный молодой человек в очках. Немного полистав брошюру, я выложил две последние «десятки» — половину моей стипендии.

Читать начал еще по дороге домой, на ходу. То немногое из православной литературы, что я видел до этой минуты, за исключением Евангелия, было написано как бы не для меня. Возможно, потому, что это были в основном перепечатки изданий XIX века: другой язык, другие реалии. Во всяком случае, было трудно поставить себя на место автора, скорее писавшего, по выражению Бердяева, «о чем-то», нежели «что-то». А здесь владыка сразу брал доверительный тон, сообщая о своем личном опыте. И все-то в нем было близко и узнаваемо. — и юношеская жажда подвига, и неприятие церкви вплоть до дурноты от лада, и раздражения на священника, и пожебенность Евангелием.

Воцерковление в начале 90-х прочно связано для меня с именем митрополита Антония. Я не был знаком с ним лично, даже никогда не решился написать ему. Но в это время я подбирал для чтения книги авторов в зависимости от упоминания о них в текстах владыки. Это было лучшей рекомендацией. Так я открыл для себя, например, Клайва С. Льюиса и русских богословов парижской школы, старца Силуана и оо. А. Шмемана и И. Мейендорфа. Владыка Антоний и отец Александр Мень стали для меня тогда свидетелями жизненности православия. Я сделал вывод — раз такие люди в православной церкви есть или были совсем недавно, то, следовательно, в ней можно жить по Евангелию. А значит, пока я не получу каких-то неопровержимых доказательств обратного, я никуда из нее не уйду и «копать» буду здесь.

Помню, меня поразила мысль владыки, неожиданная в устах церковного иерарха, о том, что все обряды, вероучение и церковная организация имеют смысл только если они опираются на личную встречу с Живым Богом. Вне этой встречи или встречи все «религиозное» — это пустое, обманное, напрасное. Позже я понял, что это был один из основополагающих принципов богословия владыки. Митрополит Антоний, как сам он всегда подчеркивал, не был академическим богословом. Но из его текстов — в основном первоначально произнесенных устно — виден не только целостный богословский взгляд, но целое богословие — богословие встречи.

Уже позже я познакомился с людьми, лично знавшими владыку, бывавшими в московских храмах, где он служил и проповедовал, на встречах с ним по квартирам в 60-70-80-е. Обычно узнавали о месте встречи в последний момент. Иногда приходилось перебегать из одного храма в другой. Помню рассказ покойного академика Сергея Сергеевича Аверинцева, спросившего случайного попутчика, где лучше выходить, чтобы добраться до такого-то храма, в котором служил владыка, на что весь троллейбус, повернувшись к ученому, хором ответил: «Сергей Сергеевич, мы все туда едем». Филолог Наталья Юрьевна Сахарова рассказывала о том, как люди набивались в квартиру родственников владыки Скриabinных и готовы были ждать встречи по 5-6 часов. Когда в конце службы, желая подойти ко кресту, — по воспоминаниям

Беседа. 1989г. (фото с сайта metropolit-anthony.orc.ru)

религиоведа Анны Ильиничны Шмаиной-Великановой — народ стал по советской привычке толпиться и толкаться, владыка Антоний, стоявший с на престольным крестом в руках на амвоне, успокоил его одной фразой: «Я никуда не уйду».

Пожалуй, главная особенность владыки — непосредственность его духовного опыта. Он говорил только о том, что сам пережил, сам испытал и передумал. Поэтому из его уст можно было услышать: «не знаю». Он не претендовал на знание ответов на все вопросы. То, что он высказывал, можно опровергнуть теоретически, но невозможно усомниться в подлинности его свидетельства, в том, что он пережил то, о чем говорит. Это и придавало его словам убедительность. Так, начав как-то неуверенно отвечать на вопрос будущего замечательного священника про исполнение аскетических требований, сформулированных в «Лествице», «Добротолубии» или «Древнем патерике» — как вспоминает Анна Ильинична — «не знаю...», — владыка вдруг подался вперед и закончил с неотразимой убедительностью: «Но все Евангелие радикально исполнимо в нашей жизни».

Укорененный в собственной христианской традиции (включая католическую, русскую), митрополит Антоний был открыт иному духовному опыту и не боялся встречи с его носителями, чтобы щедро поделиться своим. Он проповедовал по всему миру: и в различных христианских церквях, и на городских улицах, и даже, как многие хорошо помнят, в жилище хиппи, больше напоминавшем берлогу, куда можно было войти только на четвереньках. И, как он сам говорил, всегда проповедовал не «православие» (со строчной буквы), но — Евангелие как православный. Результатом его миссионерства в Великобритании стало возникновение целой епархии, открытие новых православных приходов, появление общин, членами которых являются британцы, ставшие православными.

Владыка Антоний являл образ епископа, сильно отличавшийся от того, к которому мы привыкли в России. И дело не только в бесчисленных, любимых семинаристами и алтарниками, сколь анекдотичных, столь и правдивых историях, вроде: «заставил архиепископа русской церкви (нынешнего блаженнейшего Владимира митрополита Киевского и всея Украины) мыть посуду после приходского обеда, а сам при этом вытирал тарелки полотенцем». Или: «предложил другому сановному гостю для отдыха свою «резиденцию» — комнату сторожа при храме, в которой едва помещалась койка». Третьему же преподдал урок смирения, выйдя к народу без

панатиги, в одном подряснике. Эти истории можно рассказывать бесконечно. Дело в том, что митрополит Антоний не был начальником, «церковным администратором», с обязательной персональной машиной и свитой. «Какой он владыка, он — обычный приходской батюшка», — говорил о нем патриарх Алексий I (Симанский). Митрополит Антоний был епископом в исконном смысле этого слова, подобно епископам Древней Церкви — главой местной общины. Это и позволяло ему быть действительным духовным пастырем своего «словесного стада», обращенным ко всем и в тоже время к каждому, по-человечески доступным. Его главной заботой являлось научение и передача духовного опыта конкретным людям — душепопечительство.

И в своем душепопечительстве он не был похож на духовника в его идеологическом понимании, когда духовник (а лучше, конечно, «старец») «берет человека за руку и ведет ко Христу». Как вспоминала Анна Ильинична Шмаинова-Великанова, если встреча происходила где-нибудь в квартире, и кто-то приходил впервые, владыка, всегда встречавший каждого, помогая снять пальто, исполнял с новичком своеобразный ритуал — долго пристально смотрел в глаза, обняв гостя за плечи, как будто вбирал того в свое сердце. Его пастырство было основано на внимании и уважении к личному достоинству конкретного человека, к свободе его нравственного выбора. Митрополит Антоний никого не брал за руку и не тащил туда, куда считал нужным. Он именно свидетельствовал перед всеми о Христе, о том, что Он значит в его жизни. И предлагал: если хотите — идите к Нему, только сами.

Все это, и непосредственный опыт личного богообщения и связанного с ним человекообщения, и Евангелие как основа жизни, и пастырство, основанное на уважении к человеку, предполагало основанием определенное восприятие Церкви. Согласно этому взгляду церковь как сообщество единоверцев призвана не воспроизводить — даже в институциональных своих аспектах — способы обычной социальной организации со всеми ее неизбежными пороками, но являть возможность общности другого типа, где высшие обращения к низшим (любимый владыкой образ церкви как перевернутой пирамиды стоящей на своей вершине), и все соучаствуют во всем. Не случайно он называл искушением для Церкви структуры, построенные согласно мирским принципам: принципу иерархии и власти. И не случайно он любил называть себя «мирянином в епископском сане». Для экклезиологии митрополита Антония ха-

рактерна непосредственность приобщения ко Христу в Его Теле, которое и есть Церковь (с прописной буквы). Что отличает ее от торжествующей в последние годы «экклезиологии посредственности», когда Церковь — это не Тело Христово, но именно «посредство»: только через «что-то» — иерархию, дисциплину, аскетику, святоотеческую традицию и т.п. — человек может войти в общение с Богом.

Эта экклезиология непосредственности была воспринята митрополитом еще в годы его юности в русском Париже. Не случайно всю жизнь в своих беседах он постоянно вспоминал опыт своего личного обращения. Этот опыт действительно показателен. Ведь священником, не оставившим равнодушным юного Андрюшу Блума (мирское имя митрополита), вызвавшим его бурную реакцию — о, если бы современные миссионеры могли вызывать подобное негодование — возбудившим в нем желание открыть Евангелие был не кто иной, как о. Сергей Булгаков, фигура ключевая не только для церковной жизни русских беженцев, но, наверное, и для всего русского богословия в XX веке. Да, личность и творчество о. Сергия вызывало и вызывает острые споры и в русском Париже, и в России, да и владыка не принадлежал к кругу его почитателей, но русскую церковную жизнь в XX веке, и, в частности, жизнь владыки Антония невозможно представить без него. Об этом очень хорошо писал о. Сергий замечательный литературовед К.В. Мочульский: «За суетой, за перегруженностью нашей нелепой парижской жизни мы не всегда ясно сознаем, что «дышим и существуем» Вашим воздухом».

Таким, столь различные, экклезиологии не могли не войти в противоречие между собой, чему мы стали свидетелями в случае конфликта вокруг Сурожской епархии и Русского экзархата Константинопольского патриархата. Увы, попытка спасти епархию, созданную подвижничеством трудом целой жизни, стала искушением для владыки Антония — он закрыл глаза на то, что устроение православной жизни в России в 90-е, когда он неожиданно стал «незвездным», пошло не по пути возрождения полноты церковной жизни. Отсюда его строгие и несправедливые замечания о. Сергию Гаккелю, вызывавшему негодование иерархии своими откровенными выступлениями против злоупотреблений в церкви. Отсюда непосредственность в защите о. Георгия Кочеткова. Только в редкие минуты можно было слышать голос митрополита Антония, обличавший, к примеру, лжедуховничество (младостарчество), расцветшее мажорным цветом в церкви. Искушение есть искушение — если ему поддаться, оно ведет к ущербу. И хотя сам владыка сумел перед самой конечной увидеть всю его опасность и постоять за свое дело, мы с грустью вынуждены наблюдать последовавший после его смерти раскол Сурожской епархии.

Но несмотря на эти тяжелые моменты, на видимое торжество посредственности в церкви и обществе, образ владыки навсегда останется в нашей памяти светлым. Он никуда от нас не уйдет — настоящий христиан, епископ, учитель молитвы, наставник в духовной жизни, носитель уникальной традиции русского религиозно-философского возрождения с ее всемирной отзывчивостью, человек евангельского пасхального духа. Память о нем и его книги останутся с нами, укрепляя в вере и обращая к Богу и в Церковь новых людей. Будущее православия не за «экклезиологией посредственности» и порожденными ею уродливыми явлениями типа «диоимовщины». Только бы нам не утратить эту живую память! Царство Небесное блаженной памяти митрополиту Антонию!

Александр БУРОВ

ВСЁ ЕГО ТВОРЧЕСТВО – ЭТО РЕАБИЛИТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В САМОМ БЕСЧЕЛОВЕЧНОМ ВЕКЕ

Интервью с членом попечительского совета СФИ, главой французского издательства «ИМКА-пресс», основным издателем и близким другом Александра Исаевича Солженицына Никитой Алексеевичем Струве

— *Никита Алексеевич, поскольку Вы один из тех людей, кто хорошо знал Александра Исаевича, мы хотели бы задать несколько вопросов, связанных не только с историческим значением его фигуры, но и непосредственно с его личностью. Не могли бы Вы рассказать, как Вы познакомились с Александром Исаевичем?*

Н.А. Струве: Я получил от него письмо в начале 71-го года, в котором он просил меня заняться изданием «Августа 1914-го», если книга не будет напечатана в «Новом мире», как обещали. Но он сомневался, что это будет возможно. Вот с этого момента началось наше сотрудничество. Затем была историческая для меня просьба напечатать в срочном порядке (буквально за 3-4 месяца) «Архипелаг ГУЛАГ». Это издание определило его высылку из СССР. И затем все время до возвращения свободы в России я был его русским издателем на Западе.

— *Каковы Ваши самые сильные впечатления от его произведений и от него самого?*

Н.А. Струве: Выделить что-либо трудно. Но, в первую очередь, само собой приходит на ум «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор», затем «Ракетный корпус», «Архипелаг ГУЛАГ», «В круге первом», значительная часть его большой эпопеи «Красное колесо». Я очень люблю «Бодалас теленок с дубом», и даже недавно изданное его незаконченное произведение, написанное на шарашке, — «Люби революцию». Во всех его худо-

жественных произведениях выражены все стороны его миссии, его творчества, его пророчества.

Я общался с ним более 30 лет: он проездом жил в моем доме в Париже, и я часто и подолгу бывал у него в Вермонте, мы часто с ним сотрудничали, работали, спорили и играли в теннис. Я не могу сказать, что я был его другом, потому что я всегда чувствовал его трансцендентность. У меня всегда было чувство, что он намного выше по своему призванию, по своей судьбе. Он мне говорил, что судьбу свою он не построил собственными руками, но был ей послушен. Александр Исаевич всегда считал, что провидение, надмирная сила ведет его. Его, как и Достоевского, отличало «касание мирам иным».

— *Какие его человеческие качества Вы хотели бы отметить, что ему, как Вам кажется, помогло добиться того, что он сделал, вот как Вы говорили — овладеть судьбой, и сделать то, что он сделал?*

Н.А. Струве: Это были скорее не качества характера, а свойства его личности: глубокое чувство реальности — космической, человеческой, исторической. Одним словом это характеризовать трудно. Моя жена сегодня утром сказала, что основное свойство Солженицына — его бесстрашие, невероятная отвага, готовность жертвовать собой — и жизнью, и семьей — ради правды. Поэтому провидение хранило его во всех его испытани-

ях: война, ГУЛАГ, рак, преследования, покушение на жизнь, высылка и т.д. Последним его испытанием было долголетие.

Мы часто с ним спорили, мне казалось, что он не всегда был прав в частностях, но зато в основном, в глубинном был прав. Он был свидетелем, глашатаям правды, и, кроме того, основное у него то, что он человек, все его творчество — гимн человеку, который остается человеком во всех обстоятельствах. Гимн тому человеку, каким он хотел его видеть, каким он его видел, каким сам был, при условии, что человек признает над собой иной мир, ограничивает себя, не стремится занять первое место, стремится жертвовать собой. Ему самому всегда были тягостны всякие почести, которыми отмечали его.

— *Как можно обозначить его основное послание нам?*

Н.А. Струве: Оно обозначает весть о человеке. Я бы это видение противопоставил знаменитому изречению М. Горького «Человек — это звучит гордо». У Солженицына «человек» звучит свято, добро, это есть венец творения, но если человек готов на страдания, на самоограничение во всех смыслах. Все его творчество — это реабилитация человека в самом бесчеловечном веке.

— *Кем был Александр Исаевич для мировой общественности?*

Н.А. Струве: Я не могу говорить за весь мир, я могу говорить за Францию. Во

Франции Солженицын был прочитан глубоко и широко, там он был весь издан по-русски и по-французски, гораздо шире, чем в других странах. Тут произошло некоторое отрезвление интеллигенции, что привело к извлечению от разных иллюзий левизны. Он повлиял не только политически, но и духовно. Мне многие читатели говорили, что после прочтения «Ракетного корпуса» у них изменилась жизнь. Я считаю, что «Архипелаг ГУЛАГ» рисует картину полной бесчеловечности, но всё же человек там светится. Мне кажется, что Солженицын — самое крупное литературно-духовно-политическое явление во второй половине XX века.

— *В «Русском Зарубежье» планируются ли какие-то мероприятия к 90-летию Александра Исаевича?*

Н.А. Струве: Сейчас готовится коллоквиум в Париже — в январе месяце, а в Москве планируется в декабре. Но теперь он будет в память Александра Исаевича.

Фото с сайта: bfrz.ru

С УХОДОМ СОЛЖЕНИЦЫНА И АВЕРИНЦЕВА ДЛЯ НАС ОКОНЧАТЕЛЬНО ЗАВЕРШИЛСЯ XX ВЕК

Интервью с ректором Свято-Филаретовского института свящ. Георгием Кочетковым

— *Александр Исаевич известен в первую очередь как писатель, но, мне кажется, его значение не ограничивается только тем, что он был русским писателем. Что Вы думаете о его значении для России? Кем был для Вас Солженицын?*

Свящ. Георгий Кочетков: Сегодня, в день смерти Александра Исаевича, трудно об этом говорить объективно и полно, потому что прежде всего вспоминаются его огромные труды, его огромные заслуги. Конечно, без всяких сомнений, он был и замечательным писателем, и публицистом, и политиком, и деятелем культуры, просто общественным деятелем. Он был человеком незаурядным. Мы всегда его правильно понимаем, не всегда видят в нём живого человека, у которого были и свои колоссальные заслуги и победы, но были и какие-то слабости и поражения. Уже то, что он дожил практически до 90 лет, преодолел онкологическую, сыпчатку, лагерь, высылку, всякого рода невзгод, проблемы, заботы, это, конечно, ставит его в один ряд с самыми выдающимися русскими людьми XX века. Однако, конечно, можно увидеть и то, что хотелось бы, чтобы было сделано как-то иначе. Это нисколько не может умалять значимости для всех уже сделанного, даже наоборот, мне кажется, что трезвое, реальное видение плюсов и минусов любого человека только возвышает его, потому что делает его реальным, а не каким-то идеализированным, сусальным.

Например, я считаю, что Александр Исаевич надо было бы возвращаться в Россию раньше, он немного затянул с этим. Если бы он вернулся на несколько лет раньше, то он мог бы сделать здесь значительно больше. Он приехал в то время, когда уже трудно было повлиять в положительную сторону на идущие у нас процессы. Это первое.

Второе: мне несколько странно, что Александр Исаевич в каких-то случаях принимал награды, а в каких-то не принимал. Понятна была его горечь, его разочарование в том процессе, который привёл к распаду страны. Да, это было не самое великое деяние нашей власти, но всё-таки мне кажется, что он недооценил Ельцина, недооценил того, что именно он смог освободить страну от морoka коммунизма, от «красной чумы». Ельцин, при всех его недостатках, сделал дело величай-

шее, без которого все остальные вещи, какими бы они ни были, могли быть только проиграны нашим народом, нашей страной. В то же время Солженицын принимал награды от тех людей, которые, на мой взгляд, не были более достойны. Если уж не принимать наград в зависимости от достоинства людей, то надо было бы вообще воздержаться от них, во всяком случае, в нашей стране.

Он пытался сказать какое-то живое слово в церкви. Я помню, например, его выступление на Рождественских чтениях почти сразу после его возвращения в Россию. Он тогда сказал некоторые очень хорошие вещи, но после того, как фундаменталистские силы дали ему жёсткий отпор, к сожалению, замолк и ни за что не стал бороться. Меня это сильно разочаровало.

Всегда было интересно познакомиться с точкой зрения Александра Исаевича, но не всё можно было принять в его суждениях и его политических и общественных или литературных трудах. Но то, что он в какой-то степени оказался здесь в изоляции, а в последние годы даже в полной тишине, в полном забвении, это, конечно, было очень жаль. Он мог бы, на мой взгляд, приехав сюда, сказать и сделать больше. Сейчас, сегодня пытаются говорить, что он был совестью нашего народа, нашей нации. С этим согласится я, увы, не могу. Не потому, что он был не достоин этого, а потому, что наш народ оказался недостойн его самого, и он такой совестью для большинства нашего народа так и не стал. Он был для них человеком выдающимся, много сделавшим для свержения коммунизма, может быть, больше всех в XX веке, но всё-таки он был не в центре. К нему мало кто относился в последние годы всерьёз (я говорю именно об этом времени), да и вообще его мало кто читал в большом объёме. Это жаль. Это несколько отсрочивает его полное признание в нашей стране. Я не думаю, что его совсем нет или не будет, но оно должно ещё стать более полным, даже если это произойдёт не в самое ближайшее время.

— *То, что он сейчас так не востребован, что его мало читают — это связано с тем, что он поздно вернулся в Россию? Почему он так не востребован?*

Свящ. Георгий Кочетков: Я уже сказал о том, что, с одной стороны, он не несколько лет опоздал. Если бы он был здесь хотя бы с начала 90-х годов, он на волне подъёма мог бы, безусловно, сделать значительно больше, несмотря на все страшные экономические трудности того времени для всего народа, подготовленные, конечно, полным распадом экономики Советского Союза. Это всё понятно. Крах Советского Союза не мог быть только политическим, он был и экономическим, так же как и нравственным, и культурным. Так же не могло не возникнуть на национальных окраинах волны национализма, часто жестокого и несправедливого, как всегда любой национализм. Да, увы, Александр Исаевич не смог сказать об этом таким языком, чтобы его все услышали. Хотя он всегда говорил, говорил до конца. Вот я сегодня читал одно из последних его интервью, двухлетней давности, короткое, но хорошее, где он касается и этих самых горячих моментов жизни нашей страны. И все же результат был небольшой. Да, трудно сказать, почему в одних случаях люди оказываются в центре признания, общей жизни, почему к ним тянутся, их читают, их любят, их учат наизусть, цитируют, декламируют, а в других случаях не менее гениальные люди оказываются в забвении, умирают в забвении и только через какое-то время их признаёт весь мир. Судьба Александра Исаевича — оригинальная судьба, и она не повторяет ничью судьбу. Поэтому сейчас говорить о конкретных причинах этого и плодах всей его жизни ещё рано.

— *Что самого ценного Вы можете выделить в его наследии для нас, для нашей страны?*

Свящ. Георгий Кочетков: Самое ценное — в том, что он помог, как никто, преодолеть советский морок, открыть людям глаза на советскую систему. А у нас слепых и незрячих всегда было очень много. И сейчас немало таких, которые только думают, что они что-то знают и видят, но на самом деле ничего не видят и не знают, они ничего не понимают в нашей стране, в нашей жизни. Александр Исаевич сыграл огромную роль. Его колоссальная память, его огромная работоспособность, его убедительность слова, его оригинальный литературный стиль, его стремление быть верным народной и духовной традиции — это, конечно, дорогого стоит.

— *Как мы можем сохранить то ценное, что он принёс, для будущих поколений?*

Свящ. Георгий Кочетков: Самое ценное наследие всегда сохраняется одним образом — надо продолжать идти вперёд. Если мы читали Солженицына, если мы ему сопереживали, если мы ему сочувствовали, если мы его понимали, то нужно это чувство, понимание и этот путь продолжать. Нужно продолжать борьбу за преодоление всех пережитков дурного наследия XX века. До сих пор наша страна не определилась в отношении к преступлениям коммунистического режима. Даже наша официальная церковная иерархия, а та сейчас выступила с предложением подобного рода. Я считаю — лучше поздно, чем никогда. Всем надо в этом направлении двигаться, надо понимать, что мы до сих пор сидим, как это говорится, на двух стульях сразу и можем оказаться между ними. Чтобы этого не случилось с нашей страной, надо не только восстанавливать экономику, военный комплекс или идеологические структуры, бороться с преступностью, коррупцией и т.д. Да, всё это надо, но ещё надо видеть ситуацию в целом, как её видел Александр Исаевич.

Надо не бояться преодолевать ложь, которая до сих пор более чем свойственна людям, вышедшим из советской эпохи, из коммунистического засилья. Главный грех нашего народа — ложь и страх. Тот, кто с этим борется, и тот, кто борется за духовное возрождение, за лучшее образование нашего народа, за возрождение церкви внутри неё самой, те продолжают дело Александра Исаевича. Я считаю, что Александр Исаевич велик, потому что он многих вдохновил, многим показал пример, т.е. сделал то, чего почти никто другой в наше время сделать не смог. Исключение, может быть, составляет лишь Сергей Сергеевич Аверинцев. Можно прямо сказать, что с уходом того и другого для нас окончательно завершился XX век, и из старой эпохи остаются только динозавры. Остальные же должны принадлежать эпохе новой. Какая она будет — посмотрим. Это зависит от Бога, но не в последнюю очередь от нас самих. Кто в этом усомнится после урока жизни Александра Солженицына?

Материалы страницы подготовлены информационной службой СФИ

ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ ЖИТЬ БЛАГОЧЕСТИВО БУДУТ ГОНИМЫ

Члену Попечительского совета СФИ, известному исповеднику веры прот. Павлу Адельгейму — 70 лет

Дорогой отец Павел!

«Дней лет наших — семьдесят лет», как говорит Писание Ветхого завета (Пс 89:10). Но во Христе — вечная жизнь, и поэтому все цифры имеют весьма относительное значение. Вот и в день Вашего 70-летия мы с радостью видим, что река времени Вас не захлестнула, не унесла. Что Вы, как и прежде, переходите ее по надежному мосту веры, а когда надо — смело идете против ее течения.

Молитвенно желаю Вам и в пост-сезонный период благодатного покрова Божия, укрепления в дальнейшем служении Христу и Церкви, вечного света в сердце и очах, еще большей любви, понимания и поддержки ближних и дальних, обретения новых братьев и сестер по духу.

Молится и о том, чтобы никакие удары «судьбы», часто наносимые, увы, руками тех, кто должен был бы защищать от них, не разрушили того, что Вы, с Божией помощью, создали всю свою сознательную жизнь.

Пусть Господь дарует Вам еще многие и многие лета жизни и служения во славу Его Святого Имени!

С братской любовью и твердой надеждой на углубление и укрепление нашего общения во Христе, на расширение сотрудничества в деле святого Просвещения людей,

Ректор Свято-Филаретовского института
проф.-свящ. Георгий Кочетков,
преподаватели и студенты СФИ

Отец Павел (Павел Анатольевич Адельгейм) родился в 1938 году — в самый пик сталинских репрессий. Родителей репрессировали вскоре после его рождения, поэтому детские годы он провел в детдоме. После освобождения матери из мест заключения они вместе жили в Казахстане до смерти Сталина.

Путь служения Церкви Христовой определила встреча Павла с православной общиной в Большой Михайловке, окор-

мляемой отцом Севастианом, келейником старца Нектария из Оптиной пустыни (прославлен Поместным собором 1988 г. в Соборе новомучеников и исповедников российских). Как вспоминает о. Павел, именно о. Севастиан пробудил в нем интерес к церковной жизни: «Моё решение служить Церкви созрело в тринадцать лет. Это действительно был замечательный Пастырь, и общение с ним привело меня в храм навсегда».

Из Казахстана Павел переехал в Киев, был послушником Киево-Печерской Лавры. Затем поступил в Киевскую духовную семинарию, из которой был изгнан по инициативе ректора игумена Филарета Денисенко. В том же 1959 году он был рукоположен архиепископом Ташкентским Еρμοеном (Голубевым) во дьякона для Ташкентского кафедрального собора. В 1964 году о. Павел закончил Московскую духовную семинарию и был назначен священником в г. Каган Узбекской ССР.

В 1969 году по доносу друга и однокурсника (последствия митр. Макарий (Свиштун) о. Павел был арестован, осуждён по ст. 190 (клевета на советскую власть) и приговорен к трём годам лишения свободы. Освободился в 1972 г. из заключения инвалидом (потерял правую ногу) и служил в Ташкентской и Рижской епархиях, где епархиальные архиереи проявляли к нему и его исповедничеству искреннее уважение. С 1976 г. служит в Псковской епархии, где

открыл приходскую общеобразовательную православную школу регентов и приют для сирот-инвалидов.

С момента назначения на Псковскую кафедру еп. (ныне митр.) Евсевия (Саввина) (23 февраля 1993 года) подвергается постоянным гонениям с его стороны. За эти годы отец Павел пережил навешивание эпитета «служитель сатаны» и обвинение в клевете, покушение на жизнь и многочисленные унижения от назначенного ему «в помощь» второго священника Владимира Будилина. В этом году протоиерея Павла Адельгейма с настоятельством, его приюту для сирот-инвалидов и школе регентов грозит закрытие.

В жизни протоиерея Павла Адельгейма в который раз подтверждаются слова Писания о том, что «все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим 3:12). Его свидетельство обладает «солью» и потому он ненавистен тем, кого обличает самой своей жизнью. Все эти искушения не сломили отца Павла, он до сих пор бесстрашно борется со злом словом и делом. С другой стороны, гонения никогда не озлобляли его против гонителей, отец Павел остаётся верным Христу и Его Церкви.

Мы поздравляем отца Павла с 70-летием и желаем ему мужества, стойкости и многих лет жизни для служения Христовой Церкви!

(Фото Кирилла Мозгова)

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ

ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ»

ПРОВОДЯТ МЕЖДУНАРОДНУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ «ДУХОВНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПУСТОТЕ В ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВЕ»

29 СЕНТЯБРЯ – 1 ОКТЯБРЯ 2008 Г. МОСКВА

Наше время давно характеризуется как время пустоты. Академик Сергей Аверинцев в 1995 г. в своей статье «Моя ностальгия» («Ностальгия по тому состоянию человека как типа, когда все в человеческом мире что-то значило или, в худшем случае, хотя бы хотелось, пыталось, должно было значить; когда возможно было «значительное» для иллюстрации своих мыслей мог цитировать статью поэта Осипа Мандельштама 1922 (!) года «Пшеница человеческая», где поэт свидетельствовал, что хлеб истории больше не выпекается, разрозненные зерна человеческих индивидуальностей больше не выпекаются в хлеб, именуемый народом: «Бывают такие эпохи, когда хлеб не выпекается, когда амбары полны зерна человеческой пшеницы, но помолы нет...» Чуть позже Мандельштам о. Сергей Булгаков, уже будучи в Париже, посреди, казалось бы, достаточно бурно и плодотворно кипевшей церковной жизни, написал слова, созвучные, но еще более страшные: «Тело Христово умерло...», словно обняв сходящимися пророчества Апокалипсиса: «Ты имеешь имя, будто ты жив, но ты мертв». (Аверинцев позже заметил, что все семь церквей Апокалипсиса прекратили свое существование именно в XX веке).

Но если в начале века, во времена модерна, подобные пророчества для кого-то звучали еще грозно, то теперь их вряд ли даже замечают. В те времена еще

можно было ожидать, что после модерна будет что-то совершенно новое, новое и сверх-новое, которого ожидали со страхом и трепетом, но вместо этого сделался «постмодерн», т.е. после-новое: заикание, топтание в человеческой истории. Косность, аморфность, смещение до бескачественности. Некий апофеоз пустоты, когда не просто нет опоры, но когда эту безопорность и полный релятивизм начинают возводить в позитив, в положительный принцип.

История прекратилась, утрачено измерение пути в человеческой жизни, поскольку само различие «нового и старого», необходимое для движения истории (ср. «Всякого книжника, ставшего учеником Царствия Небесного, можно уподобить домохозяину, который выносит из запасов своих и новое, и старое» (Мф 13:12)), утеряно. Новейшая пустота легко мимикрирует как под одно, так и под другое, спокойно вливается в любые формы, слова и идеи, обессмысливая их. Не сейчас замечено: новейшие технологии равнодушно и цинично используют любые слова, любую идеологию. История не заканчивается — просто прекращается, без всякого суда, без всякого оправдания...

Этому зависанию в пустоте должна противостоять сила веры, но иногда кажется, что и сама вера становится уже не откровением Божиим, но вновь — откровением самой пустоты: все равно, во

что верить, лишь бы верить и заполнить становящуюся физиологически переносимой пустоту — род наркотика или алкоголя.

Ища спасения, и общество, и церковь наращивают технологии, пытаются вместо реальной политики — «обеспечить выборы», вместо собрания церкви как народа Божьего — «заполнить пустые храмы». С другой стороны, те, кто, в свою очередь, не хочет быть жертвой технологии, легко заражается сектантским сознанием, пытается устроить себе некую локальную, «свою», полноту, отрываясь от полноты Божьей и человеческой, т.е. оказываясь все в той же пустоте, легко вбурасывают в себя эти образования (как фундаменталистские, так и модернистские), которые быстро становятся элементами все того же постмодернистского пейзажа.

Можем ли мы сегодня, не присваивая себе знания пророков, опереться на пророческий опыт церкви — как древней, так и новой, — обличающий эту мимикрирующую пустоту и призывающий к противостоянию ей? На что еще мы можем опереться в этом противостоянии — в Писании, в мистике, в богословии, в философии, в культуре, в науке? Можем ли мы предложить нечто большее, помимо наблюдений, анализа и констатаций?

Можем ли пустота стать для нас не концом, «за которым не следует ничего», но новым началом? Той библейской

пустотой, в которой лишь и может прозвучать творческое слово? Способна ли сегодня церковь противопоставить этой ничтожной и «ничтожащей» черной дыре пустоты мира сего опыт «самопустошения» Христа (и святых его), источающего Себя ради других, ради Церкви, которая есть «Полнота Наполняющего всё во всем»?

Имеет ли мы основание говорить об особом дарах нашего времени? Сергей Аверинцев, остро чувствующий наступление этого новейшего времени, в котором почти всякое содержание является кажимостью, иллюзией, надеялся, что именно в этой ситуации появятся кристаллы реальности особой, небывалой твердости. Можем ли мы уже сегодня увидеть эти зерна? Поиском ответа на подобные вопросы посвящена наша конференция.

Помимо подготовленных докладов конференция предполагает обсуждение всех заявленных вопросов в форме диалога и свободной дискуссии. Мы рассчитываем на ваше заинтересованное участие.

Председатель оргкомитета,

проректор СФИ

Дмитрий Сергеевич Гасак

Оргкомитет:

Россия, Москва, 105062,

ул. Покровка, 29-38

Тел./факс 624-92-50; 623-03-80;

e-mail: sretenye@sfi.ru

НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU ВЫ МОЖЕТЕ НАЙТИ ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НОВЫХ НОМЕРОВ И АРХИВ ГАЗЕТЫ ЗА 5 ЛЕТ

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

Учредитель: Региональная
общественная организация
«Культурно-просветительский
центр «Преображение»

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29, стр.1
Тел./факс: (495) 624-92-50

© РОО «Преображение». Все права защищены

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Главный редактор:
А.В. Колымагина
Зам. гл. редактора:
А.А. Буров

Электронный адрес редакции:

kifa@list.ru

Электронная версия газеты:

http://gazetakifa.ru

Над номером работали:

Анастасия Наконечная,
Елена Шевелева, Дмитрий Матвеев,
Владимир Лидский

Газета зарегистрирована Федеральной
службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного
наследия. Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-24541 от 2 июня 2006 г.

Иллюстратор: Татьяна Аразян

Дизайн: Андрей Мареев

Верстка: Татьяна Тыртыш, Анна Лепехина

Отпечатано в типографии «Эльф»,

г. Москва, ул. Тацкая, д. 5

Тираж 1500. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 12 августа 2008 г.

Время подписания в печать:

по графику — 9,00, фактическое — 9,00

Дата выхода в свет 15 августа 2008 г.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении
СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38);
в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).

Подписной индекс в агентстве Роспечать — 19601

Телефоны распространителей

Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769

(Ольга Филиппова), 8-916-114-6737 (Ольга Орлова),

158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова);

Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная);

Архангельск: 8-921-299-4978 (Андрей Подоров);

Воронеж: 8-950-763-50-35 (Александр Терехов);

Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова);

Тверь: 8-(4822)-50-2308 (Олег Ермолаев);

Тула: 8-(4872)-37-5782 (Марина Писарева);

Электросталь: 8-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)